

22. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.
23. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.
24. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 94.
25. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 80.
26. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 80.
27. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.
28. Там же.
29. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
30. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 – 1937. М., 1986. С. 255.
31. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
32. Уральское хозяйство в цифрах. 1931 – 1932 гг. Свердловск, 1933. С. 167.
33. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
34. История крестьянства СССР. Т. 2. С. 256.
35. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 131.
36. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
37. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
38. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
39. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 82.
40. См.: ГАРФ. Ф. А - 262. Оп. 1. Д. 3794. Л. 49, 49 об., 50; Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928 – 1933 гг.: Автореф. дисс...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 20; Он же. Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1930 – 1933 гг. // Научно-педагогические чтения. Екатеринбург, 2002. С. 54 – 56; Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 56.
40. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке...С. 136 – 137.

Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е.
(Екатеринбург)

Историография аграрного производства и продовольственного обеспечения в условиях “революции сверху”*

Обеспечение продовольственной безопасности страны актуализирует региональные исследования по определению потенциальных возможностей продовольственного самообеспечения индустриально развитых территорий. Исторический опыт России предостерегает, что нехватка продовольствия, угроза голода приводили к массовому недовольству и социальным потрясениям.

Историки все чаще сталкиваются с проблемами, анализ которых возможен только на стыке различных дисциплин, что позволяет выйти на новый уровень восприятия и обобщения исторических процессов. К разряду сложноструктурированных тем относится и изучение продовольственного

обеспечения общества на разных уровнях его организации: государство, регион, национальная группа, домохозяйство, семья. Достижение определенного уровня продовольственной обеспеченности было всегда основной задачей общества в целом и конкретного индивидуума, ибо в основе этого лежит инстинкт самосохранения, на котором базируется вся человеческая деятельность.

Уровень продовольственного обеспечения – один из показателей состояния экономики в целом и сельскохозяйственного производства в частности. На его формирование оказывал влияние целый ряд факторов, таких как развитие аграрного производства, торговли, организация снабжения, культура и традиции продовольственного потребления, демографические процессы.

Исторический аспект данной проблемы представляет интерес и является актуальным, так как позволяет понять проблемы современного аграрного сектора, продовольственной политики, пути и тенденции их развития. Изучение процессов, проходивших в стране с конца 1920-х гг., позволяет исследовать изменения векторов в развитии сельскохозяйственного производства, происшедшие в результате коллективизации, и в механизме продовольственного обеспечения населения – переход к нормированному распределению продуктов питания.

Период советской истории с конца 1920-х гг. дает пример формирования механизма продовольственного обеспечения через народнохозяйственное планирование, которое в силу исключительной сложности объекта управления далеко не всегда справлялось с поставленной задачей. Продовольственный дефицит, а порой, и голод были нередким явлением в советской действительности. В хозяйственной региональной политике преимущественное внимание уделялось отраслям тяжелой промышленности в ущерб легкой и пищевой промышленности и сельскохозяйственному производству, что привело в начале 1930-х годов к аграрному кризису и голоду 1932–1933 гг. в стране в целом, и в Уральской области в частности. Изучение аграрного производства и продовольственного обеспечения населения в 1928–1933 гг. на основе регионального материала является актуальным, поскольку позволяет учитывать исторический опыт при определении перспектив аграрного развития страны и формировании оптимального механизма продовольственной безопасности.

Изучение проблемы аграрного развития имеет достаточно обширную историографическую традицию, чего нельзя сказать об изучении продовольственного обеспечения населения. Исследование проблем аграрного развития достаточно четко разделяется на два этапа: первый, хронологически более длительный, охватывает литературу, вышедшую до конца 1980-х годов и характеризуется господством марксистско-ленинской методологии; второй – с конца 1980-х гг. отличается от первого деидеологизацией истории как науки, отмечается поиском новых методологических подходов, расширением исследовательской проблематики.

По истории советской деревни и крестьянства в доколхозный период и годы сплошной коллективизации создана значительная по объему и научным достижениям литература. До конца 1980-х годов советская аграрная история рассматривалась через призму побед и преимуществ колхозно-совхозного строя. Проблемы сельскохозяйственного производства служили фоном, на котором демонстрировались достижения в деле колхозного и совхозного строительства. Поэтому, на наш взгляд, следует уделить внимание вопросу историографии коллективизации.

В истории изучения советского крестьянства после начала коллективизации до конца 1980-х принято выделять четыре периода с примерными рубежами: конец 1930-х годов, середина 1950-х и середина 1960-х годов.

Первый период характеризуется тем, что процесс коллективизации крестьянских хозяйств изучался в ходе его осуществления. Основная литература по истории крестьянства и колхозов была представлена работами непосредственных участников колхозного строительства, она содержала фактические материалы текущей статистики, наблюдения современников (1). Но недостатками этих работ было наличие ошибок конкретно – исторического характера вследствие слабой источниковой базы. В это время вышли работы М. Власова, А.С. Либкинда, В. Большакова, Е.И. Ильина. Они заложили основу советской историографии социалистического преобразования деревни (2).

В конце 1930-х годов предпринимались первые попытки написать обобщающие исследования о социалистическом преобразовании в деревне, о победе колхозного строя (3).

Работы, вышедшие с конца 1930-х по первую половину 1950-х годов, в основном, комментировали и иллюстрировали отдельными фактическими примерами положения «Краткого курса истории ВКП (б)» (4). Коллективизация в них показывалась довольно идиллически: «Крестьяне массами приходили в колхозы, в МТС, наблюдали за работой тракторов, сельхозмашин, выражали свой восторг и тут же принимали решение – «пойти в колхозы» (5).

Следует отметить, что для литературы второй половины 1930-х – первой половины 1950-х годов свойственны догматизм и иллюстративность изложения. Так, особое место в историографии занимает книга М.А. Краева «Победа колхозного строя в СССР», вышедшая в 1954 г. (6). Для своего времени она давала наиболее полный очерк развития сельского хозяйства за первые двадцать лет Советской власти. Насыщенность цифровыми данными производила впечатление значительной фактической основы книги, свидетельствовала о стремлении преодолеть цитатно–иллюстративный метод изложения и изложения истории. Однако концепция книги полностью воспроизводила схему «Краткого курса истории ВКП (б)». Цифровой материал оставался только суммой примеров.

С середины 1950-х годов начался новый период в развитии отечественной историографии, в ходе которого историки на основе широкого круга архивных источников пытались критически переосмыслить историю совет-

ского общества с позиций марксистско-ленинской методологии. Это касалось и аграрной тематики.

Новаторские идеи появились в работах В.П. Данилова, В.М. Селунской: ими было доказано отсутствие необходимой материально-технической базы для производственной кооперации деревни к концу 1920-х годов, подчеркивалась роль административных методов в проведении коллективизации (7). В.П. Данилов пришел к выводу, что «к началу массового колхозного движения еще не было создано материально-технической базы для социалистического сельского хозяйства, но отдельные элементы ее уже имелись, образуя предпосылки для осуществления коллективизации» (8). Однако следует оговориться, что В.П. Данилов не исследовал глубоко вопроса технической оснащенности сельского хозяйства отдельных регионов страны. Вскоре данная инновационная тенденция в изучении социалистического преобразования сельского хозяйства была прервана.

В 1950-е годы в исторической литературе встречались неверные оценки состояния сельскохозяйственного производства в годы аграрной реформы. Э. Бурджалов, М.А. Краев вопреки фактам понижения показателей в растениеводстве сообщали о повышении урожайности и увеличении валового сбора зерновых культур в 1930–1932 гг. (9). А. Гончаров, А. Ильин, И. Лаптев, Ф. Пиджарый, посвятив свои работы проблемам истории советского государства во время коллективизации сельского хозяйства и «борьбы» коммунистической партии за ее проведение, вообще воздержались от оценки состояния аграрного производства (10).

Отдельными исследователями отмечались факты уменьшения валового сбора зерна, резкое сокращение поголовья скота в первые годы коллективизации. Среди причин этих «издержек производства» историки называли вредительство кулака и кулацкую агитацию, перегибы и «искривления», допущенные в ходе коллективизации (11). В учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма» в качестве факторов спада в животноводстве указывались «частнособственнические пережитки крестьян», недостатки в организации и оплате труда (12). Требовалось более тщательное исследование факторов, оказавших негативное воздействие на развитие сельского хозяйства.

Работе машинно-тракторных станций в годы сплошной коллективизации были посвящены статьи А. Швецова и Ю. Родиной. В них отмечалась активная роль МТС в расширении посевных площадей и повышении урожайности, помощь МТС в обучении колхозных кадров, улучшении организации труда в колхозах, повышении трудовой дисциплины (13). Все эти вопросы в статьях были только поставлены, но не раскрывались на основе конкретно-исторического материала.

В изучении сельского хозяйства в СССР до 1960-х годов основное внимание обращалось на создание колхозов, объединение в них крестьян – единоличников, организационно-хозяйственное развитие коллективных хозяйств, налаживание их производства. При этом процесс колхозного строи-

тельства изучался главным образом по материалам конца 1929 – начала 1930 гг. Исследования в основном были хронологически ограничены годом «великого перелома» или коротким периодом (до лета 1930 г.), получившим название сплошной коллективизации (14).

С начала 1960-х годов наблюдается поворот внимания исследователей к разработке ряда проблем «решающего этапа сплошной коллективизации». В статьях И.Е. Зеленина, М.Л. Богденко, в монографии С.П. Трапезникова был впервые исследован процесс коллективизации крестьянства на материалах страны в целом (15).

Введение в научный оборот большого количества нового фактического материала позволило вывести рассмотрение аграрных проблем советской истории на новый уровень. В 1960-х годах появились монографии Ю.А. Мошкова, А.А. Барсова, В.Н. Яковецевского и других авторов, где были существенно уточнены бытовавшие в литературе представления о развитии сельскохозяйственного производства в годы первой пятилетки (16). В 1968 г. появилась статья З.К. Звездина, едва ли не первого обратившегося к судьбе единоличного крестьянского хозяйства 1930-х годов (17).

Опубликованные во второй половине 1960-х – 1980-х годах труды по истории крестьянства свидетельствуют о дальнейшем расширении масштабности и углублении научно-исследовательской работы в этой области, об охвате всех союзных и автономных республик, крупных национальных и экономических регионов страны (18).

Следует отметить значительный вклад Ю.А. Мошкова в изучение проблемы производства и распределения хлеба в годы первой пятилетки. В его монографии «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.)» проанализированы развитие зернового производства, изменение объема и форм заготовок хлеба, масштабы и способы удовлетворения потребностей населения в городе и деревне. Но, как и все советские историки, Ю.А. Мошков рассматривал «колхозный строй» в качестве избавителя страны от «непреодолимых ранее хозяйственных трудностей», писал, что «коллективизация создала необходимые социальные и хозяйственные предпосылки для будущего подъема сельского хозяйства и его главной, зерновой, отрасли». А причинами сокращения сбора зерна он считал неблагоприятные климатические условия и «естественные трудности», которые сопутствовали становлению нового общественного строя в деревне (19).

Историками – аграрниками стала плодотворно изучаться проблема становления и развития сельскохозяйственного производства, роль крестьянства в этом процессе. В работах показано, что «в конце 20-х годов в условиях быстро растущих потребностей социалистической промышленности в сырье и населении в продуктах питания проявились ограниченные возможности роста мелкокрестьянского производства, его неспособность удовлетворить потребности страны» (20). Советские историки подчеркивали, что снижение валового производства в

1931–1932 гг. не свидетельствовало об упадке сельского хозяйства, объясняли это временное явление трудностями колхозного строительства (21).

Исследования В.П. Данилова (22) являются основополагающими по истории советской деревни накануне коллективизации, что признается отечественными и зарубежными историками (23). Изучение развития крестьянских хозяйств привело В.П. Данилова к выводу о крайней ограниченности их возможностей в решении производственных задач и полной неспособности найти в этих условиях выход из социальных проблем.

Позднее В.П. Данилов, как и некоторые историки советского времени, многое пересмотрел в оценке истории доколхозного и колхозного крестьянства (24). В частности, историк отмечает, что проблемы и трудности современного сельского хозяйства уходят своими корнями в историческую драму сплошной коллективизации (25).

Одновременно историками-аграрниками проводились исследования совхозного строительства и производства. Ход совхозного строительства конца 1920-х – начала 1930-х годов изучался главным образом на материалах зерновых хозяйств – важнейшей группы совхозной системы тех лет – и получил известное осмысление с выходом в свет обобщающих работ И.Е. Зеленина, М.Л. Богденко, И.Е. Кантышева (26).

Накопление огромного фактического материала, осмысление основных проблем аграрной истории, появление монографических исследований по отдельным аспектам социально-экономических преобразований в деревне, основанных на источниках как общесоюзного, так и регионального характера, позволили приступить к изданию обобщающего труда по истории советского крестьянства, который воплотил научный поиск многих советских историков, – «Истории крестьянства СССР». Во втором томе данной книги рассматривались предпосылки, ход и результаты коллективизации, то есть аграрная история советского общества авторами представлялась как история социалистического преобразования деревни (27).

С конца 1980-х годов с началом демократизации политической жизни в стране начался новый этап отечественной историографии, в том числе в изучении коллективизации. На читателя выплеснулся целый поток газетных и журнальных статей, наибольший интерес привлекли публикации В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, Н.Л. Рогалиной, И. Клямкина, О. Лациса, В. Селюнина, В.А. Тихонова и Г.И. Шмелева (28). Исследователи и общественные деятели признали, что главной причиной аграрного краха советского государства являлась административно-командная система управления сельским хозяйством, которая оторвала крестьянина от земли, лишила его чувства хозяина, превратила в наемного работника государства.

В 1990-е годы – на втором этапе историографии проблемы – изучение коллективизации находится в центре исследований В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина, М.А. Вылцана, В.В. Кабанова, М. Левина и др. Принципиально важное значение имеют исследования влияния аграрной

политики на сельскохозяйственное производство. Номотетическое значение в становлении современной историографии аграрной истории имеют публикации теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» в журнале «Отечественная история» в 1990-е гг.

Во второй половине 1980-х годов появились публикации отечественных и зарубежных ученых и общественных деятелей, связанные с темой продовольственного обеспечения населения: одной из наиболее активно обсуждаемых тем стал голод 1932–1933 гг. в СССР.

Голод 1932–1933 гг. являлся запретной темой в советской историографии, одним из “белых пятен” в отечественной истории. Это было связано с замалчиванием самого факта голода руководством Советского государства. Голод в стране был “засекречен”. Историки в лучшем случае обсуждали трудности проведения хлебозаготовительных кампаний, которые объяснялись “саботажем кулачества” и объективными причинами - погодными условиями, сложностью становления колхозов (29).

Впервые о факте голода 1932–1933 гг. в советской исторической литературе было заявлено в изданном в 1986 г. втором томе “Истории советского крестьянства” (30). В период перестройки начали писать о насильственной коллективизации и голоде 1932–1933 гг. в основных зерновых районах СССР - на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Казахстане — историки-аграрники В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий (31).

В 1988 г. вышла статья В.П. Данилова, посвященная дискуссии по проблеме голода 1932–1933 гг. в СССР в западной прессе. Западные советологи в 1980-х годах обсуждали два вопроса: причины и последствия голода (32). Р. Конквест в книге “Скорбная жатва: советская коллективизация и террор-голод” пишет о гибели от голода в 1932–1933 гг. 7 млн человек, из них 5 млн - на Украине, 1 млн - на Северном Кавказе и 1 млн - “в остальных районах”. Голод, по мнению Р. Конквеста, представлял собой проявление антиукраинского геноцида, был частью “организованного террора” против украинского народа и против немцев Поволжья (33).

И.Арч Гетти, опубликовавший рецензию на книгу Р.Конквеста, писал, что ведущие западные историки, занимавшиеся изучением коллективизации в СССР, были не согласны с заявлением автора об “умышленном терроре голодом”. Другой оппонент Р. Конквеста П. Вайлс не считает коллективизацию прямой причиной голода, так как она “не привела к сокращению в производстве хлеба”. Причиной голода, по его мнению, была заготовительная политика сталинского руководства, направленная на изъятие колхозного хлеба. И.Арч Гетти, П. Вайлс и другие западные исследователи высказывают недоверие к расчетам жертв голода 1932–1933 гг., проведенным Р. Конквестом, из-за использования недостоверных данных “от отдельных лиц и “самиздата”. В поддержку Р. Конквеста выступил С. Розфильд. Он предпринял попытку вычислить число “избыточных смертей” в СССР. Согласно его расчетам, жертвами насильственной коллективизации в период

1929–1939 гг. стали 5 млн человек, количество умерших от голода также составило 5 млн. В.П. Данилов, рассмотрев вычисления С. Розфильда за 1929–1949 гг., считает, что исследователь манипулировал демографическими данными, преувеличивая число жертв репрессий и голода (34).

Серьезными оппонентами позиции Конквеста - Розфильда стали представители объективистской школы Э.Х. Карра – Роберт У. Дэвис и Стивен Г. Уиткрофт. Р. Дэвис указал на ошибочность трех главных положений Р. Конквеста:

- голод 1932–1933 гг. не был актом геноцида против украинского народа, так как он “охватил территорию с населением 77 млн человек”, и лишь 30 из них проживало на территории Украины;

- бездоказательность вычислений демографических последствий голода;

- голод не был последствием коммунистической идеологии, события его вызвавшие “отражали” торжество сталинского крыла в коммунистической партии”.

Ученик Р. Дэвиса историк-экономист С.Г. Уиткрофт называет цифры демографических потерь в результате голода 1932–1933 гг. от 3 до 4 млн человек. Американские демографы Б. Андерсон и Б. Сильвер произвели подсчет жертв голода без учета детей, родившихся после 1926 г., их оценка избыточной смертности от 2 до 3 млн не противоречит расчетам С. Уиткрофта (35).

Вопросы о причинах и последствиях голода интересовали не только историков и демографов, но и мировую общественность. В конце 1980-х гг. была создана международная комиссия по расследованию обстоятельств голода 1932–1933 гг. на Украине. В 1990 г. в Торонто она представила свой итоговый отчет. Комиссия сделала следующие выводы:

- факт голода на Украине в 1932–1933 гг. “ не подлежит сомнению”, о голоде было осведомлено как украинское, так и московское руководство. Несмотря на это продовольственной помощи не было до лета 1933 г.;

- большинство членов комиссии решило, что голод не был искусственно организован и не имел своей целью уничтожение украинской нации, но советское руководство использовало голод для проведения политики денационализации.

Утверждение Р. Конквеста о голоде 1932–1933 гг. как части геноцида не получило поддержки. Комиссия констатировала наличие различных оценок демографических потерь населения в результате голода 1932–1933 гг. – 6 млн; 10 млн; 16 млн. Основной автор доклада Д. Мэйс называл цифру в 7,5 млн – минимальное, по мнению членов комиссии, число жертв голода: не менее 1,5 млн. умерших голодной смертью на Украине, 3 млн человек за ее пределами, причем 1 млн в Казахстане и на Северном Кавказе (36).

В обсуждении дискуссионных вопросов включились и советские историки. 24 октября 1988 г. в редакции журнала “История СССР” состоялась встреча историков-аграрников, посвященная проблеме изучения истории коллективизации. Ее участники не могли не коснуться темы голода

1932–1933 гг., факт которого стал общеизвестен. Выяснение причин голода, его масштабов и последствий с привлечением широкого круга источников - задачи, поставленные исследователями (37).

М.А. Вылцан считал, что после постановки дискуссионных вопросов в статье В.П. Данилова и определении в ней числа жертв голода в 3–4 млн, ученых в основном стал интересовать ответ на “сакраментальный” вопрос – “Кто виноват?” Среди советских исследователей получила распространение концепция “рукотворного”, “организованного” голода. Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, Е.Н. Осколков, по мнению М.А. Вылцана, внесли наибольший вклад в ее развитие и обоснование (38). К вышеперечисленным можно добавить В.П. Данилова и И.Е. Зеленина (39).

Под концепцией “рукотворного” голода подразумевается, что голод 1932–1933 гг. был искусственно “организован” сталинским руководством. Согласно мнению сторонников этой концепции, в 1932–1933 гг. в Советском Союзе имелось достаточное количество зерна для обеспечения сельского населения хлебом до следующего урожая. Засухи 1931 и 1932 гг. не могли вызвать массового недорода зерна, аналогичного недороду 1921 г. Ни погодные условия, ни низкий уровень развития производительных сил из-за репрессий, “карательных мер” против крестьян, их нежелания работать в колхозах при отсутствии материальных стимулов (хотя бы хлеба), ни значительное сокращение тягловой силы (лошадей и быков) не могли обусловить наступление голода. Он явился результатом насильственной коллективизации. К голоду привела проводимая советским руководством политика хлебозаготовок, направленная на изъятие хлеба из деревни и служащая интересам форсированной индустриализации (40).

В качестве оппозиции данной точки зрения выступали отдельные западные исследователи истории СССР, ставившие вопрос о наличии объективных и субъективных факторов, приведших к голоду данного периода (41).

В 1995 г. Российским государственным гуманитарным университетом был издан сборник “Голод 1932–1933 годов”. В него вошла статья американского профессора М.Б. Таугера. Он писал, что “валовой сбор зерна и план хлебозаготовок на 1932 г. были меньше, чем в любом другом году десятилетия”. Американский исследователь высказывал сомнение относительно достоверности официальных статистических данных по сбору зерна, которые, по его мнению, основывались на оценках урожая, сделанных до его уборки, и, возможно, на биологических урожаях (хотя система биологических урожаев была введена лишь в декабре 1932 г.). Таугер делает вывод, что действительные урожаи были намного меньше, чем показывают официальные цифры. Это подтверждалось архивными документами - ежегодными отчетами колхозов. По расчетам американского ученого урожай 1932 г. составлял 50,06 млн т зерна. Из-за отсутствия в архивах данных по урожаю по всем колхозам, по совхозам и хозяйствам единоличников М.Б. Таугер посчитал возможным высказать предположение о валовом сборе зерна ниже 50,06

млн т. В результате возникшей нехватки продовольствия, как в сельской местности, так и в городах Советского Союза в конце 1932-1933 гг. наступил голод. М. Таугер не определил конкретно, чем был вызван низкий урожай 1932 г. – засухой, болезнями растений, нарушением агротехнических правил. Но он поставил в один ряд с субъективными причинами - заготовительной политикой и сознательным геноцидом против украинцев или немцев - объективное обстоятельство, повлекшее за собой массовый голод - низкий урожай. “Низкий урожай 1932 г. сделал голод неизбежным”, - писал М.Б. Таугер (42).

В сборнике материалов “Голод 1932–1933 годов” вместе с исследованием урожая начала 1930-х годов М. Таугера опубликована статья Н.А. Ивницкого. Он не оспаривал оценки урожая зерновых, но предположил, что “собранного хлеба хватило бы, чтобы избежать массового голода” (43).

Постановка вопроса о низком урожае 1932 г., о недостаточном валовом сборе зерна привела к активному обсуждению российскими и зарубежными историками проблемы соотношения объективных и субъективных факторов возникновения голода.

Западные исследователи С.Г. Уиткрофт и Р.У. Дэвис привлекли внимание к естественно-климатическим и агротехническим условиям возникновения массового голода 1933 г. 24 мая 1997 г. Институтом российской истории РАН, Междисциплинарным академическим центром социальных наук было проведено очередное заседание семинара “Современные концепции аграрного развития”, на котором обсуждался доклад С.Г. Уиткрофта и Р.У. Дэвиса “Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.)”. Авторы доклада подвергли сомнению данные официальной статистики по урожаям (69,8 млн т – 1932 г.). По их мнению, реальный урожай зерновых 1932 г. был ниже урожаев 1930 г. (67–68 млн т) и 1931 г. (60,4–69,5 млн т) и составил 53-58 млн т. К такому низкому урожаю, за которым последовал голод, привели следующие факторы: нарушение правил агротехники: экстенсивное использование паров привело к истощению почвы и повышению заболеваемости растений; сокращение числа тягловых животных (лошадей, быков) из-за недостатка кормового зерна влекло за собой задержки выполнения основных сельскохозяйственных операций (вспашка, сев, уборка), в результате которых терялось значительное количество урожая; неблагоприятные погодные условия (засуха). Из перечисленных факторов объективным является только погода. Ситуация с севооборотами и тягловой силой во многом была обусловлена аграрной политикой СССР с 1928 г. С.Г. Уиткрофт и Р.У. Дэвис предположили, что Политбюро, осознав невозможность выполнения первоначального заготовительного плана 1932/33 г. по СССР – 20557 млн т зерна, приняло ряд мер, известных как “неонэп”. Речь, прежде всего, шла о снижении хлебозаготовительного плана и о легализации колхозной торговли и торговли крестьян - единоличников, которую советское руководство, по мнению М. Таугера, рассматривало в качестве равного заготовкам способа снабжения городов продовольствием. Первоначальный план хлебо-

заготовок по СССР к январю 1933 г. “был снижен на 17% до 17,045 млн т”. Кроме того, была организована выдача продовольственного (320 тыс. т) и семенного (1,274 млн т) зерна хозяйствам наиболее пораженных голодом районов - на Украине, Северном Кавказе, Нижней Волге, Урале и в Казахстане. Все это привело к изменению в зерновом балансе, сокращению снабжения населения зерном, его экспорта и уменьшению поступлений в неприкосновенный и государственный фонды (44).

В последнее время российские и зарубежные учёные сошлись во мнении, что голод был вызван совокупностью факторов. Российские историки В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, И.Е. Зеленин, В.В. Кондрашин и другие предполагали, что голод наступил вследствие субъективно-политических обстоятельств.

В.В. Кондрашиным голод рассматривался как “организованный” сталинским руководством, как способ террора по отношению к крестьянству страны. В.В. Бабашкин считал, что голод “в равной степени с методами военного подавления и репрессиями сломил волю и способность крестьянства к открытому сопротивлению власти”. Н.А. Ивницкий, И.Е. Зеленин, В.П. Данилов, Ю.А. Мошков, Р.Т. Маннинг, В.В. Бабашкин осторожнее отнеслись к определению голода как “организованный”, но вину за него возложили на Сталина и его окружение. Урожаи 1931–1932 гг. были низкие, что связано с нарушением правил агротехники, недостатком тягловой силы, нежеланием колхозников работать при отсутствии мотивации к труду. Часть урожая не удалось собрать. Но урожай 1932 г. не мог вызвать массового голода. Голод был обусловлен сталинской “революцией сверху”, насильственной коллективизацией, раскулачиванием, в результате чего произошел спад производства. Главной причиной голода стали принудительные хлебозаготовки, в ходе которых у крестьян изъяли почти всё зерно. Продовольственные государственные зерновые ссуды колхозам были слишком малы, чтобы ослабить голод. Зерно продолжало идти на экспорт и на нужды промышленности (45). Таковы аргументы сторонников доминирования субъективного фактора голода.

По мнению Е.А. Осокиной, голод 1932–1933 гг. был обусловлен целым “набором”, комплексом факторов, причём нельзя выделить главную причину его наступления. Голод стал следствием непродуманных политических решений и сознательных репрессий крестьянства. Среди факторов, вызвавших голод, Е.А. Осокина называет плохой урожай, рост хлебозаготовок, развал крестьянских хозяйств и разрушение рыночной системы “в результате насильственной коллективизации и раскулачивания”, избирательное и недостаточное государственное продовольственное снабжение населения и ряд “карательных” мер Политбюро, усугубивших кризис – “заградительные отряды, прекращение снабжения регионов, не выполнивших план хлебозаготовок и проч.” (46).

Голод поразил основные зерновые районы СССР. Имеются различные мнения о количестве охваченного голодом населения. В.П. Данилов называл цифру 77 млн человек. И.Е. Зеленин, В.В. Кондрашин, Н.А. Ивницкий – 50 млн. (47).

В 1989 г. И.Е. Зеленин, рассматривая проблему демографических потерь в результате голода, в качестве наиболее объективной называл цифру западных советологов, по-видимому С.Г. Уиткрофта, 3-4 млн чел. и говорил о необходимости ее проверки и уточнения (48). Н.А. Ивницкий приводил следующие цифры: “на Украине умерло от голода не менее 4 млн человек; в Казахстане погибло от 1 до 2 млн человек; на Северном Кавказе, в Поволжье, ЦЧО, Западной Сибири и на Урале – 2-3 млн ... голод унес 7-8 млн человеческих жизней” (49). По мнению Е.Н. Осколкова, примерно 350 тыс. человек умерло от голода в Северо-Кавказском крае с июля 1932г. по декабрь 1933г. (50). В.В. Цаплин общее число жертв голода и его последствий в 1932–1933 гг. определил от не менее 2,8 до 3,8 млн человек (51).

В сентябре 1993 г. в Киеве состоялась Международная конференция «Голодомор 1932–1933 гг. на Украине: причины и последствия», в которой принимали участие российские, американские, канадские, японские, украинские исследователи, общественные и политические деятели. После конференции российские историки И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, Е.Н. Осколков сделали вывод, что число погибших от голода по подсчетам отечественных и зарубежных ученых составило не менее 7млн человек (52). В 1995 г. вышла статья Н.А. Араловец «Потери населения советского общества в 1930-е гг.: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии». Автор касается вопроса изучения демографических последствий голода 1932–1933 гг. Она приводит уже вышеупомянутые данные Р. Конквеста, С.Г. Уиткрофта, Б. Андерсона, Б. Сильвера.

Украинские исследователи называют следующие числа умерших от голода: Ф. Рудич – от 3,5 до 4 млн, Р.Я. Пирог – от 4 до 10 млн человек. По расчетам экономиста П.К. Василевского, жертвами голода на Украине с 1 декабря 1932 г. по 1 августа 1933 г. стали 7125850 человек. Б. Тулепаев и В. Осипов считают, что прямые потери населения Казахстана составили около 1,3 млн человек. По мнению С.В. Кульчицкого, смерть от голода постигла 3,5 млн украинцев, общие демографические потери в этой республике составили около 5 млн человек (53).

В.В. Кондрашин, ссылаясь на российских демографов, назвал цифру сверхнормативной смертности 7 млн чел. в 1933 г. В своей статье В.В. Кондрашин приводит оценки демографических потерь в результате голода исследователей различных районов бывшего Советского Союза. На Украине “прямые демографические потери могут колебаться от 3 до 5 млн человек”, учитывая снижение рождаемости, полные демографические потери оцениваются в 4,3-5 млн. В Казахстане 1750 – 1798 тыс. человек погибло от голода и мигрировало в 1931-1933 гг. В.В. Кондрашин, занимаясь иссле-

дованием темы голода 1932–1933 гг. в Поволжье считает, что общие демографические потери деревенского населения в этом регионе составили до 1 млн. человек, среди которых 213,1 тыс. крестьян умерло от голода и вызванных им болезней, а недостаточную рождаемость в 1932–1934 гг. оценивал в 162,2 тыс. человек, остальное количество – мигрировавшие в города и другие районы страны. В.В. Кондрашин делает вывод о возможности оценки демографических потерь в результате голода в 5–7 млн человек (54).

В последней работе В.П. Данилов и И.Е. Зеленин отметили: "Голод 1932-1933 гг. поразил главным образом важнейшие зерновые районы страны и прежде всего (по территориальному охвату) Украину, Северный Кавказ, Поволжье, а также Казахстан. Горькая чаша сия не минула Южный и Средний Урал, Центральное Черноземье, Западную Сибирь и некоторые другие регионы. Жертвами этой беспрецедентной в истории России трагедии стала, если суммировать приводимые данные исследователей по регионам, от 7 до 8 млн человек" (55).

Исследования Е.А. Осокиной по государственной и рыночной торговле при социализме открыли новое направление в историографии продовольственного обеспечения населения, в частности, историк впервые поставила проблемы кризисов снабжения и иерархии потребления в 1930-х годах (56).

Таким образом, историография располагает большим количеством исследований по истории советской деревни в годы "революции сверху", но ученые больше занимались изучением процесса коллективизации с позиций ее необходимости и закономерности, а не с позиций эффективности и перспективы ее форм. Еще не написано обобщающих работ, в которых содержался бы глубокий анализ аграрного производства страны в 1920–1930-х годах. Проблема продовольственного обеспечения населения выпала из поля зрения историков и практически не изучалась.

Изучение социально-экономических отношений уральской доколхозной деревни началось уже в 1920-х годах. Литература о крестьянстве и сельском хозяйстве второй половины 1920-х годов преимущественно носила агитационно-пропагандистский, популярный характер (57). В то же время на Урале появились первые конкретно-исторические исследования, написанные на материалах годовых бюджетов крестьянских хозяйств, гнездовых динамических переписей, социальных обследований индивидуальных крестьянских хозяйств, колхозов и совхозов (58).

В работах непосредственных участников событий В. Ленкова, Ф. Казанского, П. Хлестова, Я. Бирюкова были рассмотрены подготовка и проведение коллективизации на Урале в целом, а также в различных его районах (59). В 1940-е и первую половину 1950-х годов история массового колхозного движения на Урале практически не разрабатывалась.

После XX съезда КПСС начали появляться работы, освещавшие различные аспекты коллективизации уральского хозяйства. В.Н. Зуйков попытался рассмотреть историю колхозного строительства на Урале в широ-

ком плане с постановкой проблем хода коллективизации, организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов (60). Одновременно с ним над проблемами истории уральской деревни в годы сплошной коллективизации начали работать историки Н.В. Ефременков, А.В. Бакунин, В.Е. Муравьев, В.И. Мухачев, А.Ф. Фунтов и другие (61).

Вторая половина 1960-х – 1970-е годы стали периодом комплексного изучения социалистического преобразования уральской деревни. В ряде статей Н.В. Ефременкова и его докторской диссертации «Подготовка и проведение коллективизации сельского хозяйства Урала 1917–1932 гг.» история колхозного строительства была рассмотрена в политическом, экономическом и социальном аспектах (62). М.А. Иванова изучила завершение сплошной коллективизации на Урале (63). Различные аспекты социалистического преобразования уральской деревни исследовали Л.П. Власова, В.П. Гришанов, Р.П. Киреев, В.Я. Мухачев, И.Е. Плотников, А.Ф. Фунтов (64). Труды советских историков несут на себе "идеологическую печать" прошлого, но вследствие своей документальной насыщенности и аналитического подхода заслуживают внимания, в особенности работы указанных уральских историков.

Работы уральских историков – аграрников Н.В. Ефременкова, И.Е. Плотникова, М.В. Попова, Р.П. Толмачевой, М.А. Ивановой (65) посвящены в большей степени социально-политическим аспектам истории деревни 1920–1930-х гг. К изучению проблем аграрного производства на Урале, демографического развития села, продовольственного обеспечения историки только приступают.

В 1997 г. А.С. Еремин защитил кандидатскую диссертацию по истории коллективизацию крестьянских хозяйств в Ирбитском округе Уральской области. Он проанализировал ход колхозного строительства с 1919 г. по 1932 г., рассмотрел экономическое состояние ирбитских колхозов, управление ими, проблемы организации коллективного труда, уделил внимание формам принуждения и репрессивных методов, роли раскулачивания в процессе переустройства ирбитской деревни, исследовал развитие социально-политических процессов и культурно-бытовые перемены в деревне. А.С. Еремин сделал вывод о трагических последствиях коллективизации для ирбитской деревни как в социально-экономической (разрушение производительных сил деревни), так и в духовной сфере (66).

Л.В. Алексеева предприняла попытку реконструировать картину сельскохозяйственного производства в Уральской области в годы первой пятилетки. Она попыталась проследить изменения в землепользовании и землеустройстве области, показать развитие земледелия и животноводства, определить значение различных категорий хозяйств в сельскохозяйственном производстве, рассмотреть влияние коллективизации на производство растениеводческой и животноводческой продукции, подвести итоги хозяйственной деятельности в уральской деревне за годы первой пятилетки. Но в ее диссертационном исследовании не прослежены в динамике в течение всей

первой пятилетки основные сельскохозяйственные показатели: посевные площади, урожайность, валовая продукция. В ее работе фрагментарно описаны заготовительные кампании в области, содержатся лишь отдельные сведения о заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1928–1932 гг., однако отсутствует их полноценный количественный анализ, не рассмотрены факторы голода на Урале, некоторые просто перечислены, но в принципе это не входило в задачи работы. Л.В. Алексеева пришла к выводу, что, несмотря на позитивные сдвиги в сельскохозяйственном производстве с осени 1928 г. по осень 1930 г., выразившиеся в расширении посевных площадей, увеличении численности орудий труда, сельскохозяйственной техники, ситуация в сельскохозяйственном производстве к концу первой пятилетки в области являлась критической. На смену индивидуальному крестьянскому хозяйству пришли крупные хозяйства – колхозы и совхозы, которые были обязаны обеспечить поступление продуктов, сырья и денежных средств из сельского хозяйства в промышленность, при этом не учитывалось материально-бытовое положение населения уральской деревни (67).

М.Н. Денисевич, рассмотрев историю индивидуальных хозяйств в 1930–1985 гг. на Урале, затронул проблемы коллективизации, заготовительных кампаний и голода 1930-х годов на Урале. По его мнению, основной причиной голода стало массовое обобществление посевов, скота, фактическая ликвидация приусадебных участков, чрезмерное изъятие хлеба и мясо-продуктов у колхозников и единоличников (68).

В публикациях и кандидатской диссертации Е.Ю. Баранова об аграрном производстве и продовольственном обеспечении населения Уральской области дана всесторонняя характеристика тяжелой ситуации в уральской деревне в начале 1930-х годов (69).

Анализ литературы по истории уральской деревни конца 1920-х – начала 1930-х гг. позволяет заключить, что, несмотря на значительное количество исследований, в истории сельскохозяйственного производства региона имеются «белые пятна»: не рассмотрены динамика основных сельскохозяйственных показателей, заготовительные кампании, причины и последствия аграрного кризиса в регионе. Тема продовольственного обеспечения населения и голода 1930-х годов комплексно не затрагивалась учеными. Поэтому представляется интересным предпринять попытку научно-исторического анализа проблемы аграрного производства и продовольственного обеспечения населения на примере Уральской области.

В основу исследования может быть положена, разработанная в рамках теории модернизации профессором Г.Е. Корниловым, концепция «агро-перехода». Основной тенденцией XX столетия был переход от традиционного, аграрного общества к индустриальному, городскому, демократическому обществу. Процессы модернизации определяли экономическую, политическую, социальную, культурную и все другие сферы жизни общества.

Трансформация в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначена термином «агропереход». В ходе агроперехода шло утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, механизации и усовершенствование техники, развитие рыночных отношений и кооперации, преодоление консервативных представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, изменение типа воспроизводства населения и трансформация сельской семьи, внедрение грамотности, распространение научных сельскохозяйственных разработок, изменение быта сельского населения. Модернизационные процессы в продовольственной сфере заключались в изменении механизма продовольственного обеспечения, нормирования и структуры питания, где основную роль стали играть рынок как основной инструмент обеспечения населения продовольствием и государство как институт, гарантирующий продовольственную безопасность, вместо ориентации традиционного общества на натуральное хозяйство.

Агропереход на Урале прошел несколько этапов. Один из них приходился на конец 1920-х – начало 1950-х годов. Внешне он протекал на этом этапе под лозунгом социалистических преобразований, но его направленность и решаемые задачи были связаны с коренной сменой форм собственности, форм организации сельскохозяйственного производства, с интенсификацией аграрного производства. На этом этапе вырос новый слой сельского населения – механизаторы, которые и были носителями модернизационной тенденции, заменившие зажиточную часть крестьянства, уничтоженную в процессе коллективизации.

Обеспечение населения продовольствием зависело от развития сельскохозяйственного производства в регионе, форм торговли, ее объемов и товарной структуры, структуры потребления, состояния продовольственных запасов. В ходе исследования выявлены две модели продовольственного обеспечения населения региона – рыночная и планово-распределительная, показан переход от рыночных отношений периода НЭПа к централизованному государственному распределению продуктов. Переход к формированию механизма продовольственного обеспечения через народнохозяйственное планирование показал, что власти не справлялись с поставленной задачей. Формирование и утверждение планово-распределительной системы, переход функций основного производителя продовольствия к колхозам и совхозам привели к тому, что управление сельскохозяйственным производством и потреблением приобрело специфические черты, связанные с насильственным изъятием сельхозпродукции и распределением ее среди производителей по остаточному принципу, а среди основной массы городского населения – по уравнильным нормам, сельское население было оставлено на самоснабжении. Кризис сельскохозяйственного производства, разразившийся в ходе массовой коллективизации, привел к резкому сокращению потребления сельского населения и голоду 1932 – 1933 гг. Общий уровень продо-

вольственного обеспечения населения оставался низким, крайне не рациональным и не сбалансированным по количеству и качеству потребляемой продукции.

В исследовании используется термин «голод». Одним из первых выявил формы голода и рассмотрел его влияние на поведение людей и социальную организацию П.А. Сорокин (70). Согласно его типологии голодания, абсолютный голод – полное прекращение поступления пищи в организм. Ученый выделял относительное качественное и количественное голодание. Качественное голодание – нехватка в пище, необходимых для жизнедеятельности человеческого организма веществ, а количественное – недостаточное поступление пищи в организм. Количественная сторона пищи измеряется ее калорийностью, а качественная наличием в ней белков, жиров, углеводов, витаминов. В схеме П.А. Сорокина имеется и качественно-количественное голодание. Следует ввести еще две дефиниции. Первая – это «голодовка», которая нами трактуется как локальное проявление абсолютного голода или относительного количественного голодания. Вторая – «латентный голод», включающий хроническое недоедание, белковое и витаминное голодание (качественно-количественное голодание по типологии П.А. Сорокина).

-
1. История крестьянства СССР. В 5-ти тт. / Т.2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М., 1986. С. 8.
 2. Власов М. Коллективизация советской деревни. М., 1930; Либкинд А.С. Аграрное переселение и коллективизация деревни. М., 1931; Ильин Е.И. Колхозы СССР и их удельный вес в строительстве Советского Союза. М., Л., 1930.
 3. Анисимов Н.И. Победа социалистического сельского хозяйства. М., 1937; Лаптев И. Советское крестьянство. М., 1939.
 4. Трапезников С.П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой пятилетки. М., 1951; Смирнов М.С. Борьба партии Ленина – Сталина за подготовку массового колхозного движения. М., 1952.
 5. Вопросы истории. 1990. №11. С.31.
 6. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.
 7. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М, 1957; Селунская В.М. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961.
 8. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. С.399.
 9. Бурджалов Э. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1956. С.47; Краев М.А. Указ. соч. С.637 – 695.
 10. Гончаров А. Советское государство и право в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. М., 1955; Ильин А.С. Коммунистическая партия в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1954. См.: Погудин В.И. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР //Вопросы истории. 1958. №9. С.133.

11. Лященко П. История народного хозяйства СССР. Т.3 М., 1956. С.371; Генкина Э. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1952. С.69.; Трапезников С. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М., 1951. С.169.
12. См.: Погудин В.И. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР...С.133.
13. Там же. С.126.
14. Данилов В.П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы научной конференции 9–12 июня 1969г. М., 1971. С.240.
15. Зеленин И.Е. Колхозное строительство в СССР в 1931–1932 гг. // История СССР. 1960. №6; Богденко М.Л. Колхозное строительство весной и летом 1930г. // Исторические записки. Т.76. 1965; Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965.
16. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). М., 1966; Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней М., 1969; Яковецевский В.Н. Аграрные отношения в период строительства социализма. М., 1964.
17. Звездин З.К. Материалы обследования денежных доходов и расходов сельского населения в 1931-1932 гг. //Источниковедение истории советского общества. Вып.2. М., 1968.
18. История крестьянства СССР...Т.2. С.9.
19. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). С.228–229.
20. История крестьянства СССР... Т.2. С.14.
21. Там же.
22. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.
23. См.: Плотников И.Е. Роль Советов в подготовке коллективизации сельского хозяйства (на материалах Урала). Челябинск, 1980; Крестьянское хозяйство на Урале. Источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С.39.; Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia, vol. 1: The Socialist Offensive, 1929-1930; vol. 2: The Soviet Economy in the Turmoil, 1929-1930. London, 1989; Fitzpatrick.S. The Russian Revolution, 1917-1932. Oxford, 1984.
24. Данилов В.П. Коллективизация: Как это было? // Страницы истории советского общества. М., 1989; Он же. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. №5.
25. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. №5. С.7.
26. Кантышев И.Е. Экономика зерновых совхозов. М., 1953; Богденко М.Л. Строительство зерновых совхозов СССР в 1928 – 1932 гг. М., 1958; Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти (1917–1927 гг.). М., 1972; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917 – 1975). М., 1976; Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. М., 1982.
27. История крестьянства СССР ...Т.2.М., 1986.
28. Данилов В.П. Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. 1987. №16; Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930 – 1932гг.) // История СССР. 1990. №6; Ивницкий Н.А. Коллективи-

- зация сельского хозяйства в СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988; Роголина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989; Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. №3; Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. №6; Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. №8. №2; Шмелев Г.И. «Не смей командовать!» // Октябрь. 1988. №2.
29. Историографию проблемы голода 1932-1933 гг. подробно рассмотрел В.В. Кондрашин в своем диссертационном исследовании. См.: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.,1991. С.2–9.
 30. История крестьянства СССР. История советского крестьянства...Т.2. М., 1986. С.256, 265; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья. С.6; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. №2. С.3.
 31. Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации; Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и “демографической катастрофе” 30-40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С.116-121; Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? // Голод 1932-1933 годов. С.43-65.
 32. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. ... С.116-121.
 33. Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. 1989. №10; Он же. Жатва скорби: реестр голода // Вопросы истории. 1990. №1; №4. С.83–100.
 34. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде... С.117-119.
 35. Там же. С.119-120.
 36. Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932-1933 гг. на Украине // Голод 1932-1933 годов. М., 1995. С.7-8.
 37. История СССР. 1989. № 3. С.51-55.
 38. Отечественная история.1998. № 6. С.113.
 39. Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья. С.5-6.
 40. Там же. С.10-19; Он же. Голод 1932-1933 гг. в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6.С.178-180; Он же. Голод 1932-1933 гг. в советской деревне: Рукопись. С.8; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации...С.3; Отечественная история. 1998. № 6. С.114-115, 117-118.
 41. Wheatcroft S.G. Soviet Industrialization Project Series. №11: The significance of climatic and weather change on Soviet agriculture (with particular reference to the 1920s and 1930s). Birmingham.
 42. См.: Таугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Голод 1932-1933 годов. С.13 – 34.
 43. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? ... С.43-45.
 44. Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931-1933 гг.)...С.95-109,124; Таугер М.Б. Указ. соч.С.15-21.
 45. Отечественная история. 1998. № 6. С.109-118, 126-128; Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы междунар. конф. Москва, 14-15 июня 1994 г. М.,1996. С.414; Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья: Автореф. ... С.8, 11-19; Он же. Голод 1932-1933 гг. в деревнях Поволжья. С.179-180; Он же. Голод 1932–1933 гг. в советской деревне. С.7-8, 11-12; Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? ...С.43-45.
 46. Отечественная история. 1998. № 6. С.118-119.

47. Данилов В.П. Дискуссия ... С.119; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации...С.3; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в советской деревне. С.17; Отечественная история. 1998. №6. С.114.
48. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации...С.17.
49. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? ...С.64.
50. Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине. // Отечественная история. 1994. №6. С.261.
51. Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. №4. С.178.
52. Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине...С.262.
53. Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е гг.: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. №1. С.137–140.
54. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в советской деревне. С.26-28; Он же. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья. С.19-20.
55. Данилов В.П., Зеленин И.Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. №5. С.109.
56. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1998; Она же. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993.
57. Воробьев А. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926; Казанский Ф. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале. Свердловск, 1927; Его же. Социально-классовая структура уральской деревни. Свердловск, 1929; Локацков Ф.И. Хозяйственно-политическое состояние и задачи советов Уральской области. Свердловск, 1927; Лейканд М. Урал через 5 лет. Свердловск, 1929; Стариков С. Организация труда в колхозах в весенний сев. Свердловск-М.,1932.
58. Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929; Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск, 1929; Колхозное строительство на Урале (1928–1930гг.) Челябинск–Свердловск, 1931.
59. Казанский Ф.М. Колхозное строительство на Урале. Свердловск, 1928; Ленков В. Комсомол Урала на социалистической перестройке сельского хозяйства. Свердловск, 1932; Хлестов П. Борьба за совхозы и колхозы на Урале. Свердловск, 1932; и др.
60. Зуйков В.Н. Партийные организации Урала в борьбе за победу колхозного строя (1927-1934 гг.) // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957.
61. Бакунин А.В. Из опыта работы политотделов МТС в колхозах Урала (1933–1934 гг.) // Труды Уральского политехнического института. Вып. 86. Свердловск, 1957; Бакунин А.В., Митрофанов Л.Д. Борьба партии за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.). Свердловск, 1961; Мухачев В.И. Роль рабочего класса в проведении массовой коллективизации (1929–1932 гг.) // Ученые записки Свердловского юридического института. Т.9. Свердловск, 1969; Фунтов А.Ф. Из истории организации деятельности Шатровского союза коммун в 1923–1925 гг. // Вопросы истории Урала. Сб. 4. Свердловск, 1963; и др.

62. Ефременков Н.В. Начало массового колхозного движения в уральской деревне // Исторические записки Т.74. М.,1963; Ефременков Н.В., Муравьев В.Е. Из истории кооперативного колхозного движения на Урале в 1926–1927 гг. // Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964; Ефременков Н.В. Колхозное движение на Урале в 1917–1930 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.1. Свердловск, 1966; Его же. Колхозное строительство на Урале в конце 1930 – первой половине 1931 гг. // Вопросы истории Урала. Сб.7. Свердловск, 1967.
63. Иванова М.А. Завершение коллективизации сельского хозяйства на Урале (1932– 1937 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь,1969.
64. Власова Л.П. Материально – производственная база сельского хозяйства Урала накануне коллективизации (1927–1929 гг.) // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1975; Власова Л.П., Ефременков Н.В. Некоторые стороны становления и развития материально – технической базы колхозов Урала в годы реконструктивного периода // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975; Власова Л.П., Ефременков Н.В. Социально-экономические изменения в уральской деревне в результате коллективизации сельского хозяйства // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.3. Свердловск, 1972; Киреев Р.П. К вопросу об исторической неизбежности ликвидации кулачества как класса (по материалам Южного Зауралья) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971; Плотников И.Е. Советы Урала и колхозное строительство (осень 1927 – осень 1928 гг.) // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.6. Челябинск,1971; Его же. Роль Советов в подготовке коллективизации сельского хозяйства (на материалах Урала): Учебное пособие по спецкурсу. Челябинск,1980.
65. Ефременков Н.В., Пономарева Р.П. Основные аспекты коллективизации сельского хозяйства Урала в трудах советских историков // Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. Сб. науч. трудов. Калинин, 1983. С.89 – 90; Иванова М.А. Изменение социальной структуры уральского крестьянства в ходе коллективизации сельского хозяйства // Население и трудовые ресурсы уральской деревни. Сб. науч. тр. Свердловск, 1987; Ее же. Формирование аграрно-промышленного комплекса на Урале: Информационные материалы. Свердловск, 1988; Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах. Екатеринбург, 1997; Плотников И.Е. «Ликвидация кулачества как класса» на Урале // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всерос. науч. конф. Ч.2. Вологда, 1992; Его же. Условия жизни ссыльнопоселенцев на Урале в начале 1930-х гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тез. науч. конф. 25–26 окт. 1994. Свердловск, 1994; Толмачева Р.П. Коллективизация. Уроки истории // Наука Урала. 1987. 9 августа.
66. Еремин А.С. Коллективизация крестьянских хозяйств на Среднем Урале (Ирбитский феномен): Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997; Он же. Коллективизация крестьянских хозяйств на Среднем Урале (Ирбитский феномен): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.18с.
67. См.: Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998; Она же. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Курган, 1998.

68. См.: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С.37–62.
69. Баранов Е.Ю. Производство зерновой продукции в Уральской области в 1928 – 1933 гг. (по сводным статистическим материалам Уральского управления народнохозяйственного учета) // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика. Екатеринбург, 2001. С. 17-20; Он же. Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1928-1933 гг. // Научно-теоретические основы непрерывного исторического образования. Екатеринбург, 2002. С. 53-58; и др.
70. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград, 1922.

* Работа выполнена при поддержке фонда «РГНФ – Урал» проект № 04 – 01 – 83102 а / У «Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг.»

Гаврилов Д.В.
(Екатеринбург)

Архаичная региональная модель исторического развития Урала (так называемая «концепция В.В. Адамова»)

На рубеже 1960-1970-х гг. на исторической сцене шумно и скандално выступили так называемое «новое направление» и примкнувшая к нему «уральская школа В.В. Адамова», провозгласившие себя в качестве самых передовых, прогрессивных и высоконаучных течений в советской исторической науке. Выдвинутая тогда «концепция В.В. Адамова» не была принята большинством уральских историков, а затем забыта, но в последнее время предпринимаются энергичные попытки её реанимации, о чём свидетельствует недавно изданный Уральским государственным университетом (г. Екатеринбург) сборник статей «Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв.» (1). Поэтому возникает необходимость рассмотреть научные основы этой «концепции», определить её действительную роль и значение, место в исторической науке.

«Новое направление» впервые проявилось в 1960-х гг. в виде опубликованного в разных изданиях небольшого цикла социально-экономических работ, отличавшихся по своей проблематике и приёмам исследования. Открыто оно выступило на рубеже 1960-1970-х гг. - на Всесоюзной научной сессии по проблеме «многоукладности» в 1969 г. в г. Свердловске и изданием в 1972 г. в Свердловске сборника статей «Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности» (2).

Главной заслугой «нового направления» его сторонники считают выдвинутую ими в своей собственной интерпретации, для «более глубокого